

Анализируются философско-методологические труды, полемические статьи и переписка одного из крупнейших русских мыслителей Н.Н. Страхова. Обосновывается, что он одним из первых осмыслил опасность отвлеченных системно-теоретических построений в философском познании мира и человека. Поиски новой целостной методологической стратегии, предпринятые Н.Н. Страховым, имеют, как показывает исследование, актуальный эпистемологический и общемировоззренческий смысл.

Ключевые слова: философский метод, система, теория, анализ понятий, полемичность, конкретность мышления.

To the metaphysics of Nikolai Strakhov's method . ELENA N. MOTOVNIKOVA (National Research University Belgorod State University, Belgorod).

The article deals with philosophical and methodological works, polemic articles and letters of Nikolai Strakhov, one of the prominent Russian thinkers of the 19th century. The author proves that he was one of the first to analyze the risks of systemic abstract constructions in human knowledge. The study shows that Strakhov's holistic methodological strategy is still significant from the epistemological and worldview points.

Key words: N. Strakhov, metaphysics, philosophical method, system, methodological strategy, polemic, concreteness of thinking.

« ... Кому может быть приятно, когда вас объясняют исторически? Уступка времени всегда есть некоторая слабость... »

Н.Н. Страхов

В новейшей социально-гуманитарной эпистемологии обсуждается очередная парадигмальная трансформация, очередной «поворот», совершающийся на фоне системного кризиса знания эпохи после-постструктурализма, после-постмодернизма, т. е. собственно сегодняшнего этапа процесса развития гуманитарного знания и его методологической рефлексии¹. Какое бы название и толкование ни полу-

чило это событие потом, когда превратится из современного в историческое, уже сейчас оно понимается как непосредственно связанное с предшествовавшими поворотами в мышлении XX в. – феноменологическим, лингвистическим, деконструктивистским и пр. Постепенный рост значения принципов прагматики и конкретики, «смена исследовательской оптики: с рассмотрения ригидных абстрактных схем к анализу конкретных непосредственных действий, языковых и поведенческих» [7] – признаются характерными чертами действительного движения знания, а не новой философско-научной идеологией. При этом большинство участников дискуссий говорит об этом движении как о чем-то совершенно новом, оригинальном, при-

¹ См., напр., «вместоманифест» Н. Поселягина «Антропологический поворот в российских гуманитарных науках» и двенадцать откликов на него в дискуссии, проведенной журналом «НЛО» и опубликованную в № 113 за 2012 г. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/> (дата обращения 07.05.2013).

*МОТОВНИКОВА Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород.

E-mail: molena64@yandex.ru

© Мотовникова Е.Н., 2013

**Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 13-03-00336.

шедшем в российскую гуманитаристику и постепенно усваиваемым нами из европейских университетов и западных научных проектов. Наверное, и для такого видения процесса есть серьезные основания, но оно, как минимум, не учитывает существеннейшую черту русской национальной философской традиции, о которой немало уже сказано и написано и для которой анализ конкретных непосредственных действий, частных случаев и их живых последствий принципиально предпочтительнее схематизма теорий, систем и структур. Как писал без малого век тому назад Федор Степун, «в противоположность немецкой философии 19-го века русская мысль представляет собой не цикл замкнутых систем, а цепь вот уже целое столетие не прерывающихся разговоров, причем разговоров, в сущности, на одну и ту же тему» [цит. по: 3].

Традиционный для классических эпох критерий наличия основного трактата, содержащего оригинальную или эпигонскую систему, в XIX в. утратил универсальный характер и на Западе, и в России. Но если в европейской философии бунт против систем стал квалифицироваться как антиклассика, иррационализм и тому подобные определения «поворотного» характера, то для становящейся именно в это время русской философии с самого начала уже дана была альтернативность выбора точки отсчета для дальнейшего развития, что и обусловило повышенный градус конфликтности, борьбы авторитетов, направлений, течений, характеризующий столь краткие по историческим меркам золотой и серебряный «века» нашей национальной культуры. Конечно, искусственное прерывание традиции русской философии в начале XX в. не позволило естественному историческому времени проявить истинное соотношение авторитетов и влияний. Но в истории русской философии есть фигуры мыслителей, которые ясно осознавали меру и границы эффективности системного мышления, хотя и были плохо поняты в свое время, в силу иных предпосылок, иного мировоззренческого, экзистенциального самоопределения тогдашнего интеллектуального большинства. К этим основательным, но ползузабытым и недочитанным мыслителям относится Николай Николаевич Страхов (1828–1896), важность суждений которого признавали немногие значительные современники – Ап. Григорьев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.М. Бутлеров, Вл. С. Соловьев, В.В. Розанов...

В контексте расстановки мыслителей в иерархии авторитетов самым распространенным в историко-философских исследованиях стало амбивалентное суждение: Страхов, конечно, глубокий философ – но системы он не создал. Оценка эта является весьма устоявшейся: она появилась в первых статьях о Стра-

хове в конце XIX в., прошла через учебники по истории русской философии, выходявшие в зарубежных изданиях в веке XX (в советской России Страхов числился только второразрядным литературным критиком), и снова подтверждается современными исследователями в наши дни².

А. Скопинский³: «Кем он был в философии? Создал ли он свою систему? Нет, системы он не создал, да в этом, по нашему мнению, у нас в России пока и надобности нет. У нас требуется, главным образом, верная оценка философских учений, возникающих на Западе и разными путями проникающих к нам. И это – труд не легкий и весьма почтенный, требующий большого философского ума. <...> Философские произведения Страхова ... и сводятся главным образом к оценке разных течений современной философской мысли и к определению их действительного значения» [8, с. 430].

А.И. Введенский: «Значит, и у Н.Н. Страхова, как у Сократа, все дело в методах и задачах философии, а не в системе? Значит, и он не создал системы? Увы! И он не создал системы. Но это лишь отчасти зависело от него самого. <...> Увы! Видно, наш черед создавать системы еще не наступил! Да и Бог знает когда, при таких условиях нашей умственной жизни, он наступит?» [1, с. 6–8].

В.В. Зеньковский: «Эта широта и разносторонность трудов Страхова делает его настоящим энциклопедистом, но на творчестве его лежит печать «недоговоренности», как выразился его горячий поклонник В.В. Розанов; отсутствие цельности и незавершенность построений всегда очень мешали должной оценке творчества Страхова, создавали постоянно недоразумения вокруг него» [2, с. 216–217].

Как же сам Н.Н. Страхов относился к проблеме системы?

Прежде всего стоит заметить, что Страхов, посвятивший огромную долю своих умственных занятий анализу и оценке своеобразия российской истории и культуры, в целом ряде работ ставивший задачу развития самобытной русской мысли, никогда не предлагал создавать «системы» русской философии, дополняющих или оппонированных европейским философским учениям. Более того, везде в его работах, где речь заходит об историко-философском процессе как и о развитии мировой науки, процессы эти мыслятся им и анализируются как общечеловеческие, в которых можно и следует видеть особый вклад и на-

² Ярким исключением являются статьи о Н.Н. Страхове Н.П. Ильина (Мальчевского).

³ Розановское примечание в конце, к подписи: «Если не ошибаюсь, это псевдоним Владимира Карловича Петерсена, который много лет писал в «Новом времени» под другим псевдонимом – А-т».

циональные черты той или иной школы, отдельного мыслителя, значительной концепции, идеи или понятия и т. п. Показательны в этом смысле «Предисловия» Страхова к двум изданиям его главной книги «Мир как целое» 1872 и 1892 гг. (учтем при этом, что составлено первое издание из работ, написанных еще в конце 50-х–60-е гг.).

«Человек постоянно почему-то враждует против рационализма, и эта вражда упорно ведется всеми: спиритуалистами и материалистами, верующими и скептиками, философами и натуралистами. Отдать себе отчет в этой вражде есть величайшая задача мысли. Так как мы назвали мир целым, то, применяясь к этому выражению, можем сказать, что человек постоянно ищет выхода из этого целого, стремится разорвать связи, соединяющие его с этим миром, порвать свою пуповину. Едва ли когда это было так ясно, как в наше печальное время, время очень интересное, но страшно тяжелое. Люди мечутся, ища выхода, ищут страдания и почитают за стыд быть довольными этою жизнью, как она есть. Самые глупые, спиритисты, уже переделали мир по-своему и наслаждаются беседами с жителями планет. Другие, политические фанатики, мечтают о том, чтобы переделать человека, изменить ход всеобщей истории. <...> Никто только не думает, что задача должна быть решена теперь и здесь и что всякое перенесение решения в другое время и в другое место есть только обман, которым мы сами себя тешим. Если же кто это и чувствует, то не умеет ни формулировать вопроса, ни приняться за его решение; современное просвещение не дает для этого средств. Так что в настоящее время едва ли не самый мудрый тот, кто, питая некоторое недоверие к Неисследуемому, отказывается от попыток схватить умом роковую задачу и находит удовлетворение в ее практическом решении, то есть в возможном исполнении долга» [11, с. 68–69]. «Наш век хочет познавать, но упорно отказывается мыслить, как будто боясь, что мышление разрушит начала, на которых он строит свою жизнь, и возложит на него слишком трудные задачи и обязанности. <...> Я желаю стоять за одно в моей книге: за философский метод ставить и развивать понятия. В этом методе вся тайна умопознания. <...> Чем точнее и правильнее этот метод прилагается, тем несомненнее озаряется всякий предмет исследования» [11, с. 76].

В этих текстах двух предисловий, разделенных двумя десятилетиями, обращает на себя внимание, кроме единства и философского универсализма мысли, необычайно глубокий уровень эпистемологической рефлексии проблемно желаемого и методически возможного, отчетливое самоограничение в постановке разрешимых задач, характерное для конкретно-научного профессионала. Талант и лю-

бознательность, трудолюбие и опыт исследований в естественнонаучной и философской парадигмах позволили Н.Н. Страхову стать выдающимся методологом и философом науки, намного опередившим свое время⁴. С редкой прямоотой и самоотверженностью философ признал невыполнимость сверхзадачи рациональной метафизики – познания «Неисследуемого» («в настоящее время», «средствами современного просвещения»). Человечество уже выбрало «начала, на которых оно строит свою жизнь», и не хочет и не может переосмысливать эти материалистически-прагматические начала последовательно, вплоть до практических выводов – уже в страховские времена прозвучали сильные критически-пессимистические оценки этих начал, и Страхов был знаком с мыслями Шопенгауэра, Ницше, не говоря уже о Достоевском и Толстом. Что остается в таких условиях мыслящей части человечества? Выполнять свой «долг», совершенствоваться и развивать познание в возможных (научных) направлениях и стараться делать это как можно лучше, безошибочнее, методически корректнее, т. е. развивать прежде всего метод. Методологические рассуждения Н.Н. Страхова звучат абсолютно актуально:

«Вообще у ученых и писателей господствует слишком оптимистический взгляд на умственную деятельность. Они уверены, что частная мысль сама найдет свое место в общей сфере, сама определит свои границы, свое отношение к другим мыслям. Между тем тысячи фактов доказывают нам противное. Как люди часто увлекаются и довольствуются словами, забывая об их смысле, так же точно они увлекаются и довольствуются отдельными мыслями, забывая об их связи, об их значении в общей сфере. Под красивыми и звучными словами может не быть искренности и логики; так точно и под ясными и определенными мыслями может не быть истины, не быть действительного понимания предмета. И таков самый обыкновенный случай, особенно с мыслями ученых, которые иногда чем более выигрывают в ясности и определенности, тем больше теряют в глубине и объеме. <...> Вообще можно сказать, что связь между частными мыслями устанавливается силою некоторой более высокой мысли, а не сама собою. Следовательно, если мы желаем внести какое-нибудь согласие в умственный мир, то мы не должны забывать, что люди расположены и способны удовлетворяться отдельными мыслями, и что поэтому они сами не найдут общего связующего взгляда, а нуждаются в том, чтобы он был им дан. Нужно проповедовать необходимость такого взгляда, внушать о нем заботу, искоренять давниш-

⁴ См. об этом подробно вводную статью и примечания Н.П. Ильина к книге Страхов Н.Н. Мир как целое. М., 2007. С. 5–62 и 485–520.

ною привычку беспечно предаваться одностороннему направлению, в надежде, что кто-то неизвестный все поправит и согласует» [17, № 47]. Эту заботу о сфере мысли и взял на себя Н.Н. Страхов, эту рациональную истину он решился «проповедовать», в отличие от необеспеченной общезначимыми аргументами истины высшей, духовно-религиозной.

Тема метода в философии Н.Н. Стрхова не является исчерпанной, она рассматривалась и продолжает изучаться многими исследователями в аспектах анализа и синтеза, системности и органического развития, применительно к научной и философской предметной и проблемной областям, и т. д.⁵ Ведущее значение метода в учении Стрхова принято всеми его комментаторами, но толкуется весьма разнопланово. А.И. Введенский так излагал свое понимание «сократовского» свойства метода Стрхова: «Он всегда, прежде всего и больше всего, занят установкой вопроса. Опровергая ложные мнения, отклоняя мысль с ложных путей, он указывает тем самым путь истинный, так сказать, подводит к истине, ставит в надлежащую перспективу, а сам отходит в сторону и как бы говорит: «смотри, рассуждение кончилось, и началось ощущение, видение, – мы вступили в царство живых и конкретных идеалов красоты, блага и святости» [1, с. 5–6].

А.И. Введенский, подобно другим страховским единомышленникам, как будто не вполне осознает, что как раз в этой несводимости в едином процессе перспективы истины рассудка и истины разумной идеи и была главная трудность и проблема Н.Н. Стрхова. Неразрешимая проблема философа, абсолютно точно знающего, где истина, но никак не находящего те самые логические пути к этой истине, чтобы показать их всем. За это он так высоко ценил Л.Н. Толстого: за умение показать людям правду художественным приемом; но аналогичного философского, рационального пути просто не существует. Поэтому Стрхов не мог «поставить в надлежащую перспективу» универсального читателя, как ни старался. Более того, будучи глубоким скептиком, он не был никогда уверен в том, что «подводит» туда, куда хочет подвести, что не сбился и сам, под влиянием собственных предпосылок и предрассудков, как сказали бы мы сегодня. Для «своего» читателя Стрхов мог дать верную постановку, верную перспективу, и то не всегда; В.В. Розанов – конгениальный, идеальный читатель Стрхова, был для него счастливым исключением, настоящим подарком судьбы.

По-иному важнейший читатель Н.Н. Стрхова –

⁵ Так, например, Т.В. Носова показывает, что страховская аналитическая «метода» имеет не только общенаучный, но и универсальный характер». См. [5].

Л.Н. Толстой, – который, будучи сам великим аналитиком, тонко чувствовал все слабости страховской рациональной аргументации, но, в силу общности поколенческих и мировоззренческих идеалов, глубоко и благодарно воспринимал и сочувственно переживал действительные прорывы мысли своего друга. «Вашу книгу [“Об основных понятиях психологии и физиологии” (1886)] я, как получил, так сейчас же стал читать то, что мне было неизвестно и более всего интересно – об организмах, определении их. Нашел много нового и важного. Теперь не вспомню всего, но помню, что меня поразила мысль о том, что главное, опускаемое всегда свойство организма то, что ему не видно ни начала, ни конца, что то, что мы называем организм, есть только одно видимое нами звено, связывающее прошедшее с будущим. Мне дорога эта мысль. Ведь то же и в духовном мире, мире сознания. Меня последнее время особенно поразила мысль, что сознание есть сила в ряду других сил мира. Сила в самом прямом смысле этого слова. Сознание движет другие сознания и приводит в известные положения другие силы, направляет их. <...> Меня главное поразила мысль, что разум, сознание не есть случайное одиночное явление, а что это есть одна из учреждающих сил мира и высшая. Простите за метафизику. Так пришлось. Книгу вашу еще почитаю» [18, с. 408–409].

Стрхов отвечает: «Мне очень досадно, что в книге своей я все-таки не договорил своей мысли. <...> Наша душевная жизнь очевидно вполне сливается с органической. И та и другая состоят в каком-то непрерывном изменении. <...> Но, в то же время, мысль есть ведь [нечто единое и] то, что, изо всего существующего, обладает наибольшим единством и неизменяющимся от времени тожеством. Так и организм – есть нечто сосредоточенное и сохраняющее в себе все прошлое. <...> Я готов сказать, что всякая жизнь непосредственно происходит из Бога, что Бог одинаково растит и мелкую травку, и душу величайшего человека. В этом росте и во всякой жизни соблюдаются известные законы, как соблюдаются неизменно и все законы физические; но это не есть стеснение, а наоборот, пособие и необходимое удобство. Так человек не может подняться до 5-го этажа иначе, как шагая по лестнице, но это не значит, что лестница его стесняет, и нелепо воображать (как думают материалисты), что сама лестница есть причина, поднимающая на высоту. Конец же и цель всякого развития есть Бог, то самое, что есть и его источник. Все это у меня еще не совсем ясно, хотя крайние точки уже стали для меня совершенно незыблемыми. Все из Бога исходит и все к Богу ведет и в Боге завершается. Мы в нем живем и движемся и существуем. Вот, бесценный Лев Нико-

лаевич, немножко моей метафизики, и она сходится с Вашей в мысли о господствующем значении сознания. И я думаю, что сознание есть «высшая сила мира» [6, с. 341].

Но так свободно и откровенно непринужденно скептик и строгий рационалист Н.Н. Страхов был «готов сказать» вслух «свою метафизику» только в доверительном личном общении. Идеалы эти были слишком ему дороги, чтобы позволить атеистам и материалистам отрабатывать на них свое публицистическое остроумие. Для журнальных полемик на публике Страхов выбирал темы бесспорной общественной значимости, прежде всего литературные, научные и образовательные, где у него был определенный авторитет и, главное, он точно знал, что сможет ясно и убедительно на уровне здравого смысла ответить на любой вопрос.

В обстановке разномыслия, враждебности между философско-литературными лагерями, просветительски, но антисекуляристски настроенный Н.Н. Страхов занял критически-конструктивную, пожалуй, единственно возможную позицию, позволившую ему сохранять со всеми отношения, но не переходить от компромисса к соглашательству, не уступать в принципиальных вопросах. Н.Н. Страхов стал уклоняться от «проповеди», он стал систематически и целенаправленно спорить. Страховское «оправдание полемики» в сочетании с его учением о самобытности развития человека⁶ – в исторической ретроспективе – можно считать вполне органично предшествующим позднему обоснованию необходимо диалогического характера постижения многомерных, неочевидных истин. Эта предрасположенность может быть усмотрена во множестве фрагментов самых разноплановых статей философа:

«Не всегда следует быть строгим к суждениям людей... Гораздо полезнее и правильнее искать в каждом суждении истинных его поводов, и следовательно, правдивой его стороны. Человек даже мало развитый и проницательный, если судит искренне и добросовестно, все-таки касается какой-нибудь действительной черты обсуждаемого предмета, так что, при надлежащем внимании, можно дать его суждению совершенно здоровое истолкование» [10, с. 17–18].

«... Если нужно выяснить какое-нибудь положение, то очень удобно делать это посредством полемики» [15, с. VIII]. «Настоящая полемика есть борьба идей, взглядов... Poleмика идей есть дело необходимое и полезное. Как скоро взгляды расходятся, борь-

ба между ними неизбежна, и служит ко взаимному уяснению. <...> Первое условие – нужно понимать мысль своего противника. <...> А второе условие подобно первому: нужно понять мысль противника лучше, чем понимает ее сам противник; потому что нужно отвечать на эту мысль, судить ее. Вот это второе условие, из которого вытекает, что истинная полемика есть прогресс, движение мысли вперед, – это условие уже решительно почти нигде не соблюдается» [14].

Решение отказаться от абстрактно-теоретических «подведений» в пользу конкретно-исторического анализа имеет не только опытное, но и идейное обоснование – в полном согласии с концепцией Страхова о первичности умозрения по отношению к эмпирии. Еще в 1862 г. Н.Н. Страхов сформулировал важнейшее философско-методологическое положение о теоретическом схематизме и отвлеченности, кажется, вполне объясняющее, почему от этого философа ждать системы не приходилось:

«Что же такое теория? Что такое отвлеченная мысль? Теория противопоставляется жизни, отвлеченная мысль – мысли конкретной. <...> Мысли могут быть различны так сказать по направлению своего движения: одна может идти к предмету, другая от предмета. Мысль отвлеченная есть именно та, которая идет от предмета, которая удаляется от него, разрывает с ним связь и доверяется себе самой. Это будет мысль, лишенная живой опоры и потому бледная и сухая, движущаяся одною голою логическою связью. <...> Отвлеченная мысль узка, односторонняя, но зато ясна. Ее сила заключается в том самом, что она не нуждается ни в какой опоре и не ищет ее ни в чем постороннем. Ее слабость в том, что она не имеет регулятора, не имеет проверки и поддержки и потому беспрерывно заблуждается. Отвлечение состоит в том, что оно образует общую формулу и верит в нее как в действительность. Поэтому оно приписывает полное равенство всем предметам, подходящим под эту формулу. Поэтому отвлеченная мысль есть всегда мысль равняющая, сглаживающая различия и обесцвечивающая явления. <...> Отвлеченная мысль – это та мысль, которая всюду гонится за результатами, подо всем любит подводить итоги; как бы ни был широк и глубок предмет, она, вместо того чтобы углубляться в него и следовательно самой становиться шире и шире, стремится напротив сузиться, старается стянуть самый предмет в тесный кружок какой-нибудь голой формулы. <...> Теоретик для ясности перелагает стихотворение в прозу, никак не воображая, что содержание поэтического стихотворения всего яснее и точнее выражается именно стихом. Одним словом, мысль теоретика не тяготеет к предмету, а напротив, отвращается от него и уходит в голую отвлечен-

⁶ Н.П. Ильин во вступительной статье к книге Н.Н. Страхова «Мир как целое» показывает, что главная оригинальная страховская идея – самобытное развитие – это страховский антропологический вклад в развитие органицизма [см.: 11, с. 60–62].

ность. <...> Стремление мыслить отвлеченно есть не что иное, как стремление мыслить самостоятельно, стремление к мысли, которая бы опиралась сама на себя и не требовала бы никакой посторонней подставки. Отвлеченная мысль во всяком случае есть мысль независимая, довольствующаяся сама собою» [12].

Приверженец органически толкуемого славянофильства, эстетики и духовного начала жизни, Н.Н. Страхов был сознательным борцом именно против формально-теоретической экспансии из законной сферы научно-теоретического разума в сферу всеобщего, в сферу свободного духа, в область возможного. Во всех своих полемиках он настойчиво требовал преодоления «воздушности» мышления, конкретно-жизненной постановки и разрешения вопросов. Этому же пытался учить тех, кто спрашивал его совета, рецензии, редакции. «Вы истинно отвлеченный человек», – писал он В.В. Розанову. – «Это беда. Это та беда, от которой всегда страдало и потеряло свою силу над умами гегельянство. Это – общие формулы, тавтологии, которые сами по себе не содержат познания, а составляют тот огонь, в котором должно очищаться всякое познание» [9, с. 37–38]. «Вообще, Ваши статьи, как и Ваша книга, страдают неопределенностью предмета и неопределенностью метода. О чем идет речь? О какой-нибудь книге? О существующей науке? О господствующем заблуждении? Словом, укажите мне то место, которое Вы хотите занять, тот вопрос, на который хотите отвечать, примкните себя и свою мысль к чему-нибудь конкретному. Иначе Ваши писания не будут ни для кого важны и интересны, и не будут читаться. Потом, если Вы стали рассуждать, – нужно, чтобы виден был Ваш метод, Ваши приемы. Иначе никогда не будет видно, что Вы исчерпываете предмет, что смотрите на него с наилучшей точки зрения. <...> Очень мне грустно было читать Ваши жалобы на невнимание к Вам других; но поставьте себя на место этих других, ведь они тоже имеют право жаловаться на вас» [9, с. 35].

Пример такой конкретизации темы, метода и философских выводов – статья Н.Н. Страхова «О законе сохранения энергии» [12, с. 453–484], которую он вынужденно написал не столько по следам неоконченного спора с А.М. Бутлеровым, сколько актуально откликаясь на раздражавшее его употребление слова «энергия»: не только метафорически Л.Н. Толстой, но и молодые философски и естественнонаучно образованные писатели, признававшие себя учениками Страхова, – В.В. Розанов, Н.Я. Грот и их круг, – стали устойчиво повторять суждения о «психической энергии», о том, «что существует органическая энергия, что движение всего сильнее в начале, что есть сила, называемая целесообразностью⁷ ... Все это неточно, неправильно выраже-

но, все это не имеет ни занимательности парадокса, ни верности точной мысли. И как все длинно и бессвязно. <...> Я истинно огорчен и не знаю, что мне делать» [9, с. 56–57], – негодовал в письме Н.Н. Страхов. Видя неизбежность и неотложность очередной просветительской задачи, Страхов взялся за подробнейшее разъяснение вопроса постановки и развития понятия энергии, научного и философского значения закона сохранения энергии. Получившаяся статья стала не только украшением нового издания книги «Мир как целое», но, гармонично встав в текст, позволяет наглядно лишний раз убедиться в цельности и последовательности развития взглядов и учения самого Н.Н. Страхова на протяжении более тридцати лет.

Новизна и актуальность страховской трактовки философско-научной методологической связки категорий «система – теория – метод» может быть усмотрена в том, что раньше и определеннее многих он выдвинул требование вместо строительства все новых отвлеченных систем развивать конкретное предметно-понятийное знание путем многосторонних, «межпартийных» на языке его эпохи или мультипарадигмальных, как говорим мы теперь, комплексных исследований. Позиция Страхова очень близка витгенштейнианскому пониманию задач философии по прояснению понятий в части максимального уточнения логики форм надежных вечных истин о том, что может быть высказано. Дальнейший рост и развитие знания, приращение его происходит через личностное участие в разговорах, через органичное включение в многоголосие: откликнуться каждому на «свою» тему, различить фальшивое и настоящее по камертону красоты, добра и правды, поддержать и укрепить ростки истины своими оригинальными аргументами – и в позднейшие времена постпозитивистская философия не смогла превзойти органическую метафору в рациональном описании и объяснении творческого познания.

Страхов «изошряет вашу мысль и воспитывает ее» [8, с. 9], чтобы «вывести из этой темной глубины хоть

понятия «энергии», которая продолжается в языках естественных наук и по сей день, захватывая самые широкие области паранауки и создавая тем самым серьезную проблему современной эпистемологии и философии науки. «Что же, меня *тянет* куда-нибудь, – разве это не *сила*? Если в организм вложена какая-нибудь цель, как в жизнь народа может быть вложена его «судьба», то разве движение ко всему этому не будет «сильным», «преодолевающим *все препоны*», и тогда эта пробивающаяся к реализации «судьба» или «цель» является движущей силой, – *causa efficiens* [действующей причиной], совпадающей с *causa finalis* [конечной причиной (*лат.*)]. Тут-то великие определения Аристотеля могли бы для уразумения пригодиться Страхову, который не мог оторваться от «своего единственного» Гегеля. *Примечание 1913 года*. [9, с. 56].

⁷ В.В. Розанов в 1913 г. сделал к этому месту приписку, которая показывает безуспешность попыток Н.Н. Страхова воспрепятствовать метафоризации

что-нибудь к свету ясного сознания» [8, с. 8]. Двойная установка – на выявление «вечных истин» и «анализ человеческих заблуждений» – фундаментальна для всего творческого пути Н.Н. Страхова, от первых научно-методических и методологических статей до последних неоконченных работ по философии времени, включая статьи по социально-гуманитарной и исторической тематике. «Страхов был чересчур сложен для одних и казался чересчур прост для других» [4, с. 184]. Страхов слишком прост для тех, кто видит у него только консервативное начало, охранительное по отношению к вечным истинам, только строжайшую методичность, безупречную логику вывода, тем более что и сам Страхов оценивал их именно так, настаивал на ограничительных, охранительных задачах. Страхов слишком сложен для тех, кто способен оценить тонкость и глубину проработки страховской логики и диалектики понятий, богатство оттенков смысла и «органических» связей, которые он указывает там, где, на взгляд поверхностный, всё просто и ясно, «всё возможно», – «жители планет», «психическая энергия», «социальное равенство» и т. п. Анализ человеческих заблуждений у Страхова осуществляется как разбор конкретных ходов мысли конкретного автора конкретного текста, тщательно, по-учительски, показывающий превышение обоснованной достигнутой мерой свободы суждений. Школьным языком говоря, Страхов доводит анализ ошибки до последней степени ясности данного заблуждения как нарушения одного из основных законов логики – закона достаточного основания в вопросе о «жителях планет», закона тождества в проблеме понимания «силы» и «энергии», закона противоречия – в негиллистских толкованиях понятия справедливости. Когда же Страхов выдвигает задачу продвижения в решении настоящих вечных проблем философии – выработки понятий для правильного выражения соотношения духовного и психического начал человека, пантеизма науки и идеализма религии как форм духовной деятельности людей – мы понимаем, что осторожно-консервативный учитель системно-аналитической методологии в наших глазах превращается в смелого провозвестника самого актуального философского мейнстрима.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Введенский А.И. Общий смысл философии Н.Н. Страхова. М., 1897.
2. Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Т. 1, ч. 2. Л.: «ЭГО», 1991.
3. Кантор В.К. Русский философ в эпоху безумия Разума // Октябрь. 2001. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2001/6/rfyn.html> (дата обращения: 07.05.2013).
4. Левицкий С.А. Н.Н. Страхов (Очерк его философского пути) // Новый журнал. 1958. № 54. С. 164–185.

5. Носова Т.В. Проблема метода в философии Н.Н. Страхова // Credo. Оренбург, 1999. № 4. С. 58–64. То же: URL: <http://credonew.ru/content/view/143/24/> (дата обращения: 07.05.2013).
6. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894 / Толстовский музей. Том II. С предисл. и примеч. Б.Л. Модзалевского. СПб.: Изд. о-ва Толст. музея, 1914.
7. Поселягин Н. Re // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. То же: URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/ro19.html> (дата обращения: 07.05.2013).
8. Розанов В.В. Литературные изгнанники. Т. 1. СПб., 1913.
9. Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / под общ. ред. А.Н. Николокина. М.: Республика, 2001.
10. Страхов Н.Н. Н.А. Добролюбов. По поводу первого тома его сочинений // Время. 1862. № 3. С. 30–54. То же: URL: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_0290oldorfo.shtml (дата обращения: 07.05.2013).
11. Страхов Н.Н. Некрасов и Полонский // Заря. 1870. Сентябрь. URL: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_1870_nekrasov_i_polonsky_olorfo.shtml (дата обращения: 07.05.2013).
12. Страхов Н.Н. Мир как целое / предисловие, комментарий Н.П. Ильина (Мальчевского). М.: Айрис-пресс; Айрис-Дидактика, 2007.
13. Страхов Н.Н. Нечто о полемике (Письмо в редакцию «Времени») // Время. 1861. № 8. С. 69–78. URL: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_0240oldorfo.shtml (дата обращения: 07.05.2013).
14. Страхов Н.Н. О вечных истинах (Мой спор о спиритизме). СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1887. URL: <http://www.bolesmir.ru/index.php?content=text&name=o322> (дата обращения: 07.05.2013).
15. Страхов Н.Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб., 1886.
16. Страхов Н.Н. Психологические этюды И.М. Сеченова // Гражданин. 1873. № 47. С. 1260–1262; № 48. С. 1286–1289. То же: URL: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_0490oldorfo.shtml (дата обращения: 07.05.2013).
17. Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. Киев, 1897. То же: URL: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_0090.shtml (дата обращения: 07.05.2013).
18. Толстой Л.Н. Письма 1880–1886 гг. // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах (Юбилейное). Т. 63. М.; Л., 1934.

REFERENCES

1. Vvedenskiy, A.I., 1897, *Obschiy smisl filosofii N.N. Strakhova* [The general sense of the philosophy of N.N. Strakhov], Moskwa. (in Russ.)
2. Zen'kovskiy, V.V., 1991, *Istoriya russkoy filosofii* [The history of Russian philosophy]: in 2 v., vol. I, part 2., Leningrad: "EGO". (in Russ.)
3. Kantor, V.K., 2001, *Russkiy filosof v epokhu bezumija Razuma* [Russian philosopher in an age of madness Mind], Oktjabr, no. 6, URL: <http://magazines.russ.ru/october/2001/6/rfyn.html> (reference date: 07.05.2013). (in Russ.)

4. Levitskiy, S.A., 1958, N.N. Strakhov (Ocherk ego filosofskogo puti) [N.N. Strakhov: essay on his way of philosophical searching], *Noviy zhurnal*, no. 54, pp. 164-185. (in Russ.)
5. Nosova, T.V., 1999, Problema metoda v filosofii N.N. Strakhova [The problem of method in the philosophy of N.N. Strakhov], *Credo*, no. 4, pp. 58-64, URL: <http://credonew.ru/content/view/143/24/> (reference date: 07.05.2013). (in Russ.)
6. 1914, Perepiska L.N. Tolstogo s N.N. Strakhovim, 1870-1894 [Correspondence Leo Tolstoy and Nikolay Strakhov: 1870-1894], *Tolstovskiy muzey*, vol. II, Saint Petersburg: Izdatel'stvo Obschestva Tolstovskogo Museya. (in Russ.)
7. Posel'jagin, N., 2012, Re [Re], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 113, URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/po19.html> (reference date: 07.05.2013). (in Russ.)
8. Rozanov, V.V., 1913, *Literaturnie izgnanniki* [The literary exiles], vol. 1, Saint Petersburg. (in Russ.)
9. Rozanov, V.V., 2001, *Literaturnie izgnanniki: N.N. Strakhov. K.N. Leont'ev* [The literary exiles: Nikolay Strakhov, Konstantin Leont'ev], Moskva: Respublika. (in Russ.)
10. Strakhov, N.N., 1862, N.A. Dobroljubov. Po povodu pervogo toma ego sochineniy [Nikolay Dobroljubov: Regarding to the first volume of his works], *Vremya*, no. 3, pp. 30-54, URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0290oldorfo.shtml (reference date: 07.05.2013). (in Russ.)
11. Strakhov, N.N., 1870, Nekrasov i Polonskiy [Nekrasov and Polonsky]. *Zarja*, Sep. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1870_nekrasov_i_polonsky_olorfo.shtml (reference date: 07.05.2013). (in Russ.)
12. Strakhov, N.N., 2007, *Mir kak tseloe* [The world as a whole], Moskva: Iris-press: Iris-didaktika. (in Russ.)
13. Strakhov, N.N., 1861, Nechto o polemike (Pis'mo v redaktsiyu "Vremeni") [Something about the controversy: Letter to edition of the «Time»], *Vremya*, no. 8, pp. 69-78, URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0240oldorfo.shtml (reference date: 07.05.2013). (in Russ.)
14. Strakhov, N.N., 1887, O vechnih istinah (Moy spor o spiritizme) [About Eternal Truths: My dispute about spiritualism], Saint Petersburg, URL: <http://www.bolesmir.ru/index.php?content=text&name=o322> (reference date: 07.05.2013). (in Russ.)
15. Strakhov, N.N., 1886, Ob osnovnih ponjatijah psihologii i fiziologii [About the basic concepts of psychology and physiology], Saint Petersburg. (in Russ.)
16. Strakhov, N.N., 1873, *Psihologicheskie etjudi I.M. Setchenova* [The Psychological Studies I.M. Setchenov], *Grazhdanin*, no. 47, pp. 1260-1262, no. 48, pp. 1286-1289, URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0490oldorfo.shtml (reference date: 07.05.2013). (in Russ.)
17. Strakhov, N.N., 1897, *Zametki o Pushkine i drugih poetah* [Notes on Pushkin and other poets], Kiev, URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0090.shtml (reference date: 07.05.2013). (in Russ.)
18. Tolstoy, L.N., 1934, *Pis'ma 1880-1886 gg.* [Letters 1880-1886], *Polnoe sobranie sotchineniy v 90 tomakh (Jubilejnoe)*, Vol. 63, Moskva-Leningrad. (in Russ.)

